

Оригинальная статья
УДК 316.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-70-81>

Жизнь в современном городе: цифровые практики бездомных людей в Санкт-Петербурге

Анна Сергеевна Черноиванова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
st097647@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-884X>*

Введение. В статье описывается влияние глобальной тенденции цифровизации на самую уязвимую категорию населения. Изучение цифрового разрыва является достаточно новым направлением исследований в социальных науках. Современные технологии являются частью нашей жизни и влияют на социальные процессы – в частности, они могут усиливать или сокращать социальное неравенство. Современные исследователи находят все больше доказательств роста относительных неравенств в интернет-навыках и использовании интернета. Если «набор» типичного пользователя – это смартфон, интернет и ноутбук (или компьютер), то «набор технологий» бездомного может отличаться или вовсе отсутствовать. Исследования цифрового разрыва уже проводились в крупных городах социально и экономически развитых стран.

Методология и источники. Объектом исследования является группа с низким социально-экономическим статусом, бездомные, в том числе вернувшиеся из мест лишения свободы. В исследовании приняли участие 15 респондентов из 24 проживающих на момент проведения интервью.

Результаты и обсуждение. В результате анализа собранных данных удалось выявить некоторые особенности восприятия цифровых технологий и практик их использования. Особенности восприятия объединены в группу дискурсивных паттернов, практики использования цифровых технологий – в группу поведенческих паттернов. Хорошим результатом социологического исследования является опровержение стереотипов, сложившихся в обществе. Так, представляется возможным выделить два основных стереотипа. Считалось, что у бездомных в большинстве своем нет сотовых телефонов, а если есть – для них это скорее статусная вещь. Второй стереотип был связан с репертуаром цифровых технологий: бездомные скорее пользуются неперсонифицируемыми технологиями в виду их маргинального положения. Оба стереотипа были опровергнуты. Неожиданный результат исследования указывает на его безусловную актуальность и на перспективу дальнейшего изучения, в том числе уязвимых групп населения.

Заключение. Перспективой будущих исследований становится продолжение исследования на примере других организаций и изучения других категорий бездомных (обращающихся за ночлегом на одну ночь или не посещающих социальные организации). Также можно обратить внимание на возможность разработки новых практик социальной работы с учетом полученных результатов исследования.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровой барьер, цифровые практики, бездомные люди, социальная эксклюзия

© Черноиванова А. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 21-18-00125 «Цифровизация как социальная рутина в суперурбанизированных анклавах дополненной современности»).

Для цитирования: Черноиванова А. С. Жизнь в современном городе: цифровые практики бездомных людей в Санкт-Петербурге // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 3. С. 70–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-70-81.

Original paper

Living in a Modern City: Digital Practices of Homeless People in St Petersburg

Anna S. Chernoiwanova

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
st097647@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-884X>*

Introduction. The article describes the impact of the global trend of digitalization on the most vulnerable category of the population. The study of the digital divide is a fairly new area of research in the social sciences. Modern technologies are a part of our lives that influence social processes – in particular, it can increase or reduce social inequality. Modern researchers are finding more and more evidence of the growth of relative inequalities in Internet skills and Internet use. In case if the typical user's "set" is a smartphone, the Internet and a laptop (or computer), the homeless person's "set of technologies" may be different or not at all. Studies of the digital divide have already been conducted in large cities of socially and economically developed countries.

Methodology and sources. The object of the study is a group with a low socio-economic status, homeless people, including those who have returned from prison. The study involved 15 respondents from 24 living in the social center at the time of the interview.

Results and discussion. As a result of the analysis of the collected data, some features of the perception of digital technologies and practices of their use were identified. The peculiarities of perception are combined into a group of discursive patterns, the practice of using digital technologies – into a group of behavioral patterns. A good result of sociological research is the refutation of stereotypes that have developed in society. So, it seems possible to identify two main stereotypes. It is believed that mostly the homeless do not have cell phones, but if they do, it is likely a status thing for them. The second stereotype is associated with the repertoire of digital technologies: homeless people likely use non-personalized technologies due to their marginal position. Both stereotypes have been refuted. The unexpected result of the study indicates its absolute relevance and the prospect of further study, including vulnerable groups of the population.

Conclusion. The prospect of future research is the continuation of the study on the example of other organizations and the study of other categories of homeless people (applying for overnight accommodation for one night or not visiting social organizations). It also should be noted, that the possibility of developing new social work practices taking into account the results of the study.

Keywords: digital divide, digital practices, homeless people, social exclusion

Source of financing: the work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00125 "Digitalization as a social routine in super-urbanized enclaves of augmented modernity").

For citation: Chernoiwanova, A.S. (2022), "Living in a Modern City: Digital Practices of Homeless People in St Petersburg", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 3, pp. 70–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-3-70-81 (Russia).

Введение. Статья посвящена изучению практик использования цифровых технологий людьми, находящимися в уязвимом положении и являющимися самой уязвимой категорией населения.

Бездомные представляют интерес, поскольку традиционно являются группой, исключенной из социального взаимодействия. Для благополучного развития российского общества важно принимать во внимание все категории населения. Признание за малоимущими и обездоленными было значимой частью общественно-политической жизни России на протяжении многих веков, и сейчас Россия считается социально-ориентированным государством (ст. 7 Конституции РФ).

Бездомные, как наиболее уязвимая группа населения, тоже являются участниками глобального процесса технологизации жизни. Для исследования были подобраны две категории респондентов: бездомные, вернувшиеся из мест лишения свободы, и бездомные, проживающие в доме ночного пребывания. Важно отметить, что все респонденты являются получателями социальных услуг и в настоящее время проживают в социальных центрах. Эта дефиниция очень важна, потому что обращение за социальной помощью свидетельствует о готовности предпринимать действия для улучшения жизненной ситуации. Для исследования демографические характеристики не были определяющими, но респонденты образовали группу одиноких мужчин в возрасте от 37 до 74 лет. Средний возраст респондентов – 48 лет. Предмет исследования: цифровые практики и отношение к ним в обозначенной группе респондентов. Исследование основывается на реляционном подходе. С позиции реляционного подхода неравенство проявляется в категориальных различиях между группами людей, имеющих определенные отношения.

Феномен цифрового неравенства активно изучают специалисты в социально и экономически развитых странах. Специальные исследования проводили в Австралии, Великобритании и США. Исследования, посвященные цифровому разрыву в России, пока мало численны, но заметно активное развитие темы. В статье описываются результаты первого исследования цифровых практик бездомных людей в Санкт-Петербурге.

Результаты проведенного исследования опровергают стереотипы, сложившиеся в обществе. В данном случае стереотип поддерживает общественное размежевание и косвенно влияет на социальную эксклюзию. Принимая во внимание возможности людей, находящихся на социальном обслуживании, можно указать на перспективу обновления социальных услуг с учетом требований современного мегаполиса.

Методология и источники. Цифровизация (цифровая трансформация) общества – это глобальная тенденция постиндустриального общества. Менеджеральный дискурс последних 10–15 лет представляет цифровизацию как комплекс инновационных процессов, кардинально меняющих функционирование социальных институтов и общественную жизнь. Более того, ожидается, что цифровые технологии способны объединить людей по всему миру, упростить социальное взаимодействие и в целом сделать нашу жизнь проще и комфортнее. В статье предлагается рассмотреть процесс цифровизации и его влияние на повседневную жизнь людей с позиции более критической и радикальной. Во-первых, развитие цифровых технологий в социокультурной среде крупнейших российских городов уже не является для жителей крупных городов трансформацией, для большинства населения – это воспроизвод-

ство рутинных практик. Об этом свидетельствуют результаты многих эмпирических исследований и в том числе данные опроса жителей Москвы и Санкт-Петербурга в феврале – марте 2020 г.: более 80 % взрослого населения – ежедневные пользователи Интернета, более 50 % – создатели цифрового продукта в социальных сетях [1]. Во-вторых, цифровые технологии, уже ставшие неотъемлемой частью нашей жизни, могут влиять на социальные процессы, в частности, усиливать социальное неравенство.

Цифровое неравенство можно определить как новую форму социального неравенства, обусловленную технологическими, социально-экономическими, демографическими факторами использования современных технологий. О цифровом разрыве как о социальной проблеме начали говорить 25 лет назад. За это время созданы модели осмысления цифровых технологий в контексте социальной жизни.

В первую очередь стоит отметить работу Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996–2000 гг.). М. Кастельс является последователем теории постиндустриального общества [2], где анализ, генерирование и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. Развитие информационных технологий как технологий производства и распространения знания оказало значительное влияние на развитие общества. Часть работы М. Кастельса посвящена проблеме «цифрового разрыва». На фоне увеличения значимости Интернета в повседневной жизни М. Кастельс разделяет людей на «интернет-имущих» и «интернет-неимущих» и пишет: «Цифровой разрыв не будет сокращаться, потому что, когда массы получают доступ к Интернету, “элиты” уже окажутся в более высоких сферах киберпространства» [3, с. 303].

Новый подход к концептуализации социальных изменений предлагает Дмитрий Владимирович Иванов, доктор социологических наук из Санкт-Петербургского государственного университета. «Возникает тенденция поствиртуализации: в современном обществе сетевые структуры превратились в доминирующие социальные структуры. Поствиртуализация связана, в том числе, и с рутинизацией цифровых практик». Современные технологии: мобильные телефоны, платежные устройства и приложения, QR-коды, проездные карты – стали привычной частью жизни человека в мегаполисе [4].

Исследования цифрового разрыва трансформировались за последние десятилетия из экономического разрыва между группами, имеющими и не имеющими доступа к цифровым технологиям, в культурный и социальный разрыв между различными группами пользователей цифровых технологий. Ключевые работы по новым измерениям цифрового неравенства недавно были опубликованы [5–12].

Степень распространенности медиасетей и цифровых технологий в современном обществе велика настолько, что «отсутствие позиции в этих сетях, или маргинальная позиция (стратегия дистанцирования) влечет социальное исключение». Ян ван Дейк, почетный профессор коммуникативных наук в университете Твенте в Нидерландах, выделяет три особенности информации:

1. Информация считается базовым благом. Базовые блага – это материальные и нематериальные блага, столь существенные для выживания и самоуважения индивидов, что их нельзя обменять на другие блага, это, например, базовый (для выживания) уровень дохода,

жизненные шансы, свободы и базовые права. Информация стала базовым благом в современном обществе в качестве особого – и растущего – необходимого минимума для участия в нем.

2. Информация как статусное благо. Статусные блага по определению дефицитные. Несмотря на феномен перегруженности общества информацией, она может быть дефицитной в определенных обстоятельствах.

3. Третий усиливающий эффект исходит из информации как источника навыков. Все чаще имеет значение не материальный или физический доступ к цифровым медиа, а возможность их использовать и получать из этого использования выгоду. Как обсуждалось ранее, современные исследователи находят все больше доказательств роста относительных неравенств в интернет-навыках и использовании интернета [13].

Ведущими странами в исследовании цифровых практик бездомных являются Австралия, Великобритания и США. В исследованиях авторы указывают на цифровой сдвиг в сфере предоставления государственных услуг. Агентство цифровой трансформации, специализированное подразделение правительства Австралии, разработало «Digital First» – стратегию перевода всех государственных услуг в цифровую среду к 2018 г. [14]. Аналогичные общегосударственные преобразования проводятся и в других странах.

В Соединенном Королевстве стратегия «Digital-by-default» была разработана в ответ на рекомендации Марты Лейн Фокс, британской интернет-предпринимательницы, филантропа и консультанта правительства Великобритании по цифровым вопросам, в ее докладе «Directgov 2010 and beyond: revolution not evolution» [15]. Стратегия трансформации правительства Великобритании на 2017–2020 гг. расширяет эти цели, чтобы «преобразовать отношения между гражданами и государством – передать больше власти в руки граждан и стать более внимательным к их потребностям» [16, с. 74].

Аналогичным образом при президенте Бараке Обаме правительство Соединенных Штатов представило свою «Стратегию Цифрового Правительства» с главной целью: «Предоставить американскому народу и все более мобильной рабочей силе доступ к высококачественной цифровой правительственной информации и услугам в любом месте, в любое время и на любом устройстве». В связи с этими изменениями людям, в том числе бездомным, все чаще требуется доступ к услугам в онлайн-среде.

Результаты международных социологических исследований 2014–2015 гг. в крупных городах Австралии, Великобритании и США выявили высокий уровень владения мобильными телефонами у бездомных. Согласно представленным результатам не менее 90 % бездомных имеют сотовый телефон, и не менее половины из них – смартфон [17].

В Австралии сотовые телефоны помогали бездомным поддерживать связь с друзьями и семьей, обращаться в различные службы и обучаться новым навыкам [18].

В Великобритании бездомные пользовались Интернетом не реже одного раза в неделю, обычно проводя от 1 до 3 часов за сессию, а также высказывали жалобы на ограниченный доступ и время в Интернете (компьютеры предоставлялись в социальных центрах). Ограниченный доступ к Интернету усложнял процесс решения их проблем: поиск жилья и работы, подачи заявлений и т. п. [19].

В России реализуются программы по цифровизации правительства и экономики. Стремительное развитие цифровых технологий приводит к инфраструктурному и технологическому

цифровому разрыву, который проявляется в увеличении неравенства в различных сферах жизни, потому что индивидуальное и общественное благополучие все больше зависит от способности использовать информационные и коммуникационные технологии для доступа к информации и знаниям [20]. В ноябре 2021 г. Правительство России утвердило проекты по цифровой трансформации социальной сферы [21]. Стоит отметить, что цифровые практики в социальной сфере начали активно применяться в период изоляции, связанный с пандемией COVID-19. Вместе с тем существуют определенные сложности в цифровизации социальных услуг: «Помимо инфраструктурных проблем, у граждан, прежде всего социально уязвимых слоев, необходимо выделить социально-психологические барьеры: непонимание и недоверие отдельных социальных групп – прежде всего старших возрастных – к цифровым технологиям. То есть существует недостаточный цифровой капитал» [22, с. 132].

Бездомные как социальная группа представляют интерес, поскольку традиционно являлись исключенными из социального взаимодействия. Объект исследования – группа с низким социально-экономическим статусом – бездомные, включая вернувшихся из мест лишения свободы.

В исследовании приняли участие бездомные двух категорий: вернувшиеся из мест лишения свободы и проживающие в доме ночного пребывания. Если все респонденты первой группы имеют травмирующий опыт исключения из общества и, как следствие, – лишения цифровых технологий, то респонденты второй группы имели возможность самостоятельно принимать решения, в том числе и в вопросах цифровых практик. Респонденты проживают в разных отделениях, но подведомственны одному учреждению – «Центру учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства». Отделение социальной адаптации граждан, вернувшихся из мест лишения свободы, единственное в г. Санкт-Петербурге работает только с бывшими заключенными. Отделение ночного пребывания ориентировано на граждан трудоспособного возраста, поэтому проживающие не могут находиться в отделении с утра и до вечера.

Исследование проводилось методом структурированного интервью. Интервью с респондентами получилось разной продолжительности – от 3 до 20 минут. Полученные данные анализировались по схеме: в какой период и какие цифровые технологии впервые появились в жизни респондента, был ли перерыв в использовании цифровых технологий или травмирующий опыт, который заставил отказаться от них и как это отразилось на отношении к цифровым технологиям в жизни респондентов. Другой блок вопросов в интервью был направлен на изучение цифровых практик респондентов: репертуар устройств и цель их использования.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показали, что люди в уязвимом положении, относящиеся к специфической и даже проблемной категории населения, пользуются цифровыми технологиями, но существуют некоторые особенности восприятия ими цифровых технологий и практик их использования. Анализ результатов исследования позволил выделить некоторые дискурсивные и поведенческие паттерны.

Дискурсивные паттерны выражаются в отношении к цифровым технологиям. Результаты исследования показали, что на отношение влияют возраст, когда цифровые технологии появились в жизни человека, и наличие (или отсутствие) периода, когда они были

недоступны для использования. Первые семь респондентов – люди, вернувшиеся из мест лишения свободы. Особенностью этой группы является факт превентивного исключения из общества. После возвращения из мест лишения свободы люди могут диаметрально противоположно реагировать на окружающий их мир. Люди с более высоким адаптивным потенциалом легче находят работу и начинают автономную жизнь, для других интеграция в общество, взаимодействие с разными системами оборачивается огромным стрессом. В срезе изучения цифровых практик освоение гаджетов становится источником дополнительного стресса.

Только один респондент указал на неудобства, связанные с необходимостью постоянно контролировать телефон (заряжать его вовремя, не оставлять дома): «раньше проще было». Вместе с тем респондент пользуется сервисами доставки товаров и электронными часами, что нехарактерно для остальных пользователей. Только респонденты, рано освоившие цифровые технологии, указывали на удобство получения подсказок в цифровом формате. Но большинство респондентов указали на готовность осваивать цифровые технологии на специальных образовательных курсах.

В интервью с респондентами, столкнувшимися с цифровыми технологиями после 30 лет (а несколько человек только в возрасте 47–50 лет), некоторые вопросы о цифровых технологиях вызывали затруднения, волнение, иногда возмущение. Освоение цифровых технологий вызывает сложности, а потребность в нем продиктована необходимостью, идущей из внешнего мира. Интересными представляются практики из жизни одного респондента. Мобильный телефон он использует для звонков по работе и поддержания контактов с друзьями. А смартфон респонденту нужен для работы в службе доставки товаров. Через смартфон он получает заказы в приложении, слушает музыку в машине, использует в нем навигатор. Респондент опасается других сервисов: «Там одни мошенники в интернете! Всем надо бабла!», а за помощью обращается к приятелю: «Я даже не знаю: пароль, имейл, аккаунт (смеется) – я это ничего не знаю, он за меня все делает». В самом уязвимом положении оказываются люди, никогда прежде не взаимодействовавшие с цифровыми технологиями: «Когда появились цифровые технологии, я уже отбывал срок. Это было в 2002 г., я не застал этого. Мне сейчас очень тяжело дается эта техника: везде эти кнопки тыкать, меня уже гонят, говорят: “Не нажимайте кнопки никакие, мы сами нажмем”, я просто их тыкаю и там что-то происходит». Сложности начинаются с самых простых для обычных пользователей вещей: написания смс, пополнения счета сим-карты. Обучение навыкам использования цифровых технологий тоже дается с трудом: некоторые вещи сложно запомнить – нужно записать, далеко не все готовы повторно что-то объяснять. Для респондента вопрос овладения цифровыми технологиями связан и с ощущением себя в обществе: «Я бы, конечно, хотел овладеть навыками... чтобы не быть таким отстающим или, например, немножко понимать вот эту всю технологию. Хотя бы чтоб мне стало полегче, чтобы в дальнейшем я мог этим уже легко пользоваться».

Вторая группа респондентов – это люди, добровольно ушедшие из дома или потерявшие его в силу трагических обстоятельств. Существенного перерыва в использовании цифровых технологий у них не было. В этой группе тоже прослеживается влияние возраста, когда первые цифровые технологии появились в жизни, на отношение к ним. Несколько

респондентов указали, что на протяжении всей жизни часто теряли, меняли телефоны. Значительным отличием респондентов группы является появление компьютера раньше, чем появился телефон (у 5 из 8 респондентов). Все респонденты указали, что им несложно осваивать новые цифровые технологии.

Респонденты старше 60 лет и начавшие использовать цифровые технологии в 40 лет сошлись во мнениях, что для жизни в современном обществе использование цифровых технологий необязательно. Некоторые респонденты отказались от цифровых технологий: «Я пользовался и смартфоном с интернетом, и банковскими картами, и скидочными картами – толку от них нет!». Респонденты, считающие современные технологии важной частью современной жизни, указывают на желание пройти обучающие курсы. Один респондент указал, что «особенно хотелось бы освоить фотешоп и вернуться к занятиям фотографией».

Только у двух респондентов есть друзья, готовые помогать с настройкой телефона. Трое респондентов, в силу развитости собственных компетенций, предпочли бы цифровые подсказки. Двое респондентов не заинтересованы в развитии навыков и не готовы обращаться за помощью. Остается группа из 8 человек трудоспособного возраста (от 48 до 61 года), не имеющих возможности обратиться за помощью и получить объяснения: «У меня даже представления нет, как туда ходить, как оплачивать услуги вот эти, по договору. Для меня это очень тяжело. И действительно для меня это очень сложно. Раньше я пришел в кассу, деньги дал, сказал за что, – все: деньги забрали, чек мне дали, – я оплатил и пошел. Сейчас же вот эти вот все кнопки, эти приложения... Для меня это совсем чужое, я не могу это уловить сразу».

Поведенческие паттерны – это репертуар цифровых сервисов и гаджетов, которые используют респонденты в повседневной жизни. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о «пользовательском наборе»: электронный проездной, платежные терминалы, скидочные карты, мобильный телефон, банковская карта, Единая карта петербуржца (ЕКП), смартфон. Значимость перечисления именно в таком порядке позволяет дифференцировать цифровые технологии по степени персонализации пользователя.

В исследовании группы респондентов из числа получателей социальных услуг не выявился паттерн предпочтения обезличенных сервисов и технологий. Можно предположить, что использование банковской карты необходимо для получения пенсий, пособий, так как многие работают неофициально. Только у одного респондента не было ни банковской карты, ни смартфона, еще у трех – либо банковская карта, либо смартфон.

Типичным «набором пользователя» является банковская карта (13 чел.), электронный проездной (13 чел.), смартфон (12 чел.).

Далеко не все пользуются скидочными картами (8 чел.), платежными терминалами (7 чел.), ЕКП пользуются 5 респондентов (они же пользуются и смартфоном, и практически всеми вышеперечисленными технологиями). Мобильные телефоны были у пяти человек, планшеты – у троих, ноутбук – у одного.

Нетипичный «набор пользователя» был у пяти респондентов. Первый респондент рассказал, что ему нравятся электронные сигареты, он часто пользуется плеером, а летом катался на электросамокате. Второй респондент во время интервью получил посылку из онлайн-магазина, в ней были: портативный аккумулятор, электронные часы и триммер.

Третий респондент пользуется портативным аккумулятором, беспроводными наушниками и копит деньги на ноутбук. Четвертый респондент пользуется банковской кэшбэк-программой и изучает английский на бесплатных онлайн-курсах. Пятый респондент (самый молодой) не использует пластиковые карты (проездные, скидочные, банковские) – хранит всю информацию в смартфоне и пользуется всеми сервисами через него.

Заключение. Результаты первого российского исследования оказались во многом неожиданными. Во-первых, развеян стереотип, что все бездомные дистанцированы от мира настолько, что не имеют доступа к цифровым технологиям. Во-вторых, отвергнуто предположение, что бездомные если и пользуются, то предпочитают неперсонифицированные технологии и сервисы по причине своего маргинального положения.

Анализ результатов исследования показал, что даже люди в уязвимом положении, относящиеся к специфической и даже проблемной категории населения, пользуются цифровыми технологиями.

В типичный «набор пользователя» входят банковская карта (13 чел.), электронный проездной (13 чел.), смартфон (12 чел.).

Бездомные из числа получателей социальных услуг владеют смартфонами, и для них это не просто статусная вещь: многим смартфоны и доступ в Интернет помогали в трудных жизненных ситуациях и являются важной частью жизни для поддержания социальных связей и профессиональной деятельности.

Прослеживаются следующие закономерности: если цифровые технологии появились в возрасте до 30 лет, то респондентам представляется, что они упрощают их жизнь, и далее чем старше респондент и чем дольше цифровые технологии были ему недоступны, тем сложнее дается их освоение. Особенно это заметно на группе респондентов, вернувшихся из мест лишения свободы. Для них освоение навыков использования цифровых технологий связано с необходимостью интеграции в общество и ориентацией в пространстве мегаполиса и становится внешней необходимостью.

Результаты исследования группы бездомных, проживающих в социальных центрах, можно считать достоверными, поскольку социально-демографический портрет проживающих практически не меняется в отделениях подобного типа. Перспективой будущих исследований становится продолжение исследования на примере других организаций и изучения других категорий бездомных (обращающихся за ночлегом на одну ночь или не посещающих социальные организации). Также можно обратить внимание на возможность разработки новых практик социальной работы с учетом полученных результатов исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С., Иванов Д. В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социол. исслед. 2021. № 1. С. 75–86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4.
2. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. NY: Basic Books, 1976.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе / под ред. В. Харитоновой; пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

4. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социол. исслед. 2020. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.
5. Becker B. Virtualisierung des Sozialen: Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung / B. Becker, M. Paetau (Hrsg.). Frankfurt am Main: Campus Verlag Frankfurt, 1997.
6. Bühl W. L. Historische Soziologie: Theoreme und Methoden. Münster: LIT, 2003.
7. van Dijk J. A. G. M. Inequalities in the network society // Digital Sociology. 2013. С. 105–124. DOI: 10.1057/9781137297792_8.
8. Excerpts from “Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use” / P. Dimaggio, E. Harittai, C. Celeste, S. Shafer // Inequality in the United States: A Reader. London: Routledge, 2020. С. 98–113. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003071709>.
9. Haddon L. Information and communication technologies in everyday life. Oxford: Berg, 2004.
10. Ragnedda M., Ruiu M. L., Addeo F. Measuring digital capital: an empirical investigation // New Media Society. 2020. Vol. 22, iss. 5. P. 793–816. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819869604>.
11. Silverstone R., Hirsch E. Consuming Technologies: Media and Information in Domestic Spaces. London: Routledge, 1992.
12. Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>.
13. van Deursen A., van Dijk J. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2010. Vol. 13, iss. 6. С. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.
14. Chen J. Breaking Down Barriers to Digital Government How can we enable vulnerable consumers to have equal participation in digital government? // ACCAN. 2017. URL: <https://accan.org.au/our-work/research/1439-breaking-down-barriers-to-digital-government> (дата обращения: 24.03.2022).
15. Lane Fox M. Directgov 2010 and beyond: Revolution not evolution // Gov.uk. 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/directgov-2010-and-beyond-revolution-not-evolution-a-report-by-martha-lane-fox> (accessed 24.03.2022).
16. Government transformation strategy 2017 to 2020 // Gov.uk. 09.02.2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/government-transformationstrategy-2017-to-2020> (accessed 24.03.2022).
17. No Digital Divide? Technology Use among Homeless Adults / H. Rhoades et al. // J. of social distress and the homeless. 2017. Vol. 26, iss. 1. P. 73–77. DOI: 10.1080/10530789.2017.1305140.
18. Humphry J. “Digital First”: homelessness and data use in an online service environment // Communication Research and Practice. 2019. Vol. 5, iss. 2. P. 172–187. DOI: 10.1080/22041451.2019.1601418.
19. Lemos G., Frankenburg S. Trends and Friends: access, use and benefits of digital technology for homeless and ex-homeless people. London: Lemos&Crane, 2015.
20. Сафиуллин А. Р., Моисеева О. А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 6. С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602.
21. Распоряжение от 6 ноября 2021 г. № 3144-р. 2021 // Правительство РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rlc35PPvCP7TZIA968CdCPuk916nh8WX.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).
22. Бородкина О. И., Сибирев В. А. Цифровой капитал потребителей социальных услуг: факторы влияния и потребность в инвестициях // The J. of Social Policy Studies. Vol. 19, no. 1. P. 129–142. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.

Информация об авторе.

Черноиванова Анна Сергеевна – магистрант (1 курс) факультета социологии, кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 11 научных публикаций.

Сфера научных интересов: социология в цифровом обществе, цифровые практики, цифровой разрыв, уязвимые группы населения.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.04.2022; принята после рецензирования 29.04.2022; опубликована онлайн 23.06.2022.

REFERENCES

1. Asochakov, Yu.V., Bogomiagkova, E.S. and Ivanov, D.V. (2021), "New dimension of social development: Activities and creativity in the internet communications", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 75–86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4.
2. Bell, D. (1976), *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, Basic Books, NY, USA.
3. Castells, M. (2004), *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*, in Haritonov, V. (ed.), Transl. by Matveev, A., U-Faktorija, Ekaterinburg, RUS.
4. Ivanov, D.V. (2020), "Augmented modernity: effects of post-globalization and post-virtualization", *Sociological Studies*, no. 5, pp. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.
5. Becker, B. (1997), *Virtualisierung des Sozialen: Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung*, Becker, B., Paetau, M. (Hrsg.), Campus Verlag Frankfurt, Frankfurt am Main, GER.
6. Bühl, W.L. (2003), *Historische Soziologie: Theoreme und Methoden*, LIT, Münster, GER.
7. van Dijk, J.A.G.M. (2013), "Inequalities in the network society", *Digital Sociology*, pp. 105–124. DOI: 10.1057/9781137297792_8.
8. Dimaggio P., Harittai E., Celeste C. and Shafer, S. (2020), "Excerpts from "Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use"", *Inequality in the United States: A Reader*, Routledge, London, UK, pp. 98–113. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003071709>.
9. Haddon, L. (2004), *Information and communication technologies in everyday life*, Berg, Oxford, UK.
10. Ragnedda, M., Ruiu, M.L. and Addeo, F. (2020), "Measuring digital capital: an empirical investigation", *New Media and Society*, vol. 22, iss. 5, pp. 793–816. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819869604>.
11. Silverstone, R. and Hirsch, E. (1992), *Consuming Technologies: Media and Information in Domestic Spaces*, Routledge, London, UK.
12. Martynenko, T.S. and Dobrinskaya, D.E. (2021), "Social inequality in the age of algorithms: from digital to algorithmic divide", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>.
13. van Deursen, A. and van Dijk, J. (2010), "Internet skills and the digital divide", *New Media & Society*, vol. 13, iss. 6, pp. 893–911. DOI: 10.1177/1461444810386774.
14. Chen, J. (2017), "Breaking Down Barriers to Digital Government How can we enable vulnerable consumers to have equal participation in digital government?", *ACCAN*, available at: <https://accan.org.au/our-work/research/1439-breaking-down-barriers-to-digital-government> (accessed 24.03.2022).
15. Lane Fox, M. (2010), "Directgov 2010 and beyond: Revolution not evolution", *Gov.uk*, available at: <https://www.gov.uk/government/publications/directgov-2010-and-beyond-revolution-not-evolution-a-report-by-martha-lane-fox> (accessed 24.03.2022).
16. "Government transformation strategy 2017 to 2020" (2017), *Gov.uk*, 09.02.2017, available at: <https://www.gov.uk/government/publications/government-transformationstrategy-2017-to-2020> (accessed 24.03.2022).
17. Rhoades, H. et al. (2017), "No Digital Divide? Technology Use among Homeless Adults.", *J. of social distress and the homeless*, vol. 26, iss. 1, pp. 73–77. DOI: 10.1080/10530789.2017.1305140.
18. Humphry, J. (2019), "'Digital First': homelessness and data use in an online service environment", *Communication Research and Practice*, vol. 5, iss. 2, pp. 172–187. DOI: 10.1080/22041451.2019.1601418.

19. Lemos, G. and Frankenburg, S. (2015), *Trends and Friends: access, use and benefits of digital technology for homeless and ex-homeless people*, Lemos&Crane, London, UK.

20. Safiullin, A.R. and Moiseeva, O.A. (2019), "Digital Inequality: Russia and other countries in the Fourth industrial revolution", *St. Petersburg State Polytechnical University J. Economics*, vol. 12, no. 6, pp. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602.

21. "Order dated November 6, 2021, no. 3144-r. 2021", *The Russian Government*, available at: <http://static.government.ru/media/files/Rlc35PPvCP7TZIA968CdCPuk916nh8WX.pdf> (accessed 24.03.2022).

22. Borodkina, O.I. and Sibirev, V.A. (2021), "The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment", *The J. of Social Policy Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 129–142. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.

Information about the author.

Anna S. Chernoiwanova – Master's Degree student (1st year) of the Faculty of Sociology, Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: sociology in a digital society, digital practices, digital divide, vulnerable groups of the population.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.04.2022; adopted after review 29.04.2022; published online 23.06.2022.*